

Тютчевъ вамъ кланяется, а я крѣпко жму руку и остаюсь вашимъ

В. Бѣлинскимъ.

1847.

Къ И. С. Тургеневу.

Сиб., 19 февраля (3 марта) 1847 г.

...Когда вы собирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишюсь въ васъ—но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что потерялъ въ васъ больше, нежели думалъ... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучалъ. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8 или около 9—и цѣлый день—особенно цѣлый вечеръ—(съ послѣ обѣда)—дремлю—вотъ жизнь моя!

...**получилъ отъ К—ра ругательное письмо, но не показалъ ***. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною, онъ былъ нехорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ вы не можете мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки—видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ обществѣ и не въ *преувѣщеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *переболѣть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ—а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣждений или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню***; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

...Скажу какъ новость: я, можетъ быть, буду въ Силезіи. В. достаетъ мнѣ 2500 руб. асс. Я—было часто отказался—ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство—а просить, чтобъ мнѣ выдавали жалованье за время отсутствія—мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненій съ *** я подумалъ, что переменить глупо... Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ В., и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

Вашъ „Каратаевъ“ хорошъ, хотя и далеко ниже „Хоря и Калиныча“...

...Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ, или очень мало—и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы „Ермолай и Мельнича“—не Богъ знаетъ что, бездѣлка, а хорошо, потому что то умно и дѣльно, съ мыслию. А въ „Бреттеръ“—я увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто—въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но

не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни се; не то чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредить тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе—лучшаго не придумалось). А „Хорь“ общается въ васъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ.

...Гоголь сильно покаранъ общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ журналахъ; даже друзья его, московскіе славянофилы—и тѣ отступились, если не отъ него, то отъ гнусной его книги“...

Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника—кланяются вамъ...

Къ В. П. Анненкову.

С. Петербургъ. 15—27-го февраля 1848 г.

Дражайшій Павелъ Васильевичъ! Случайно узналъ я, что вашъ отъѣздъ изъ Парижа въ февралѣ отложился еще на два мѣсяца, но это еще не заставило бы меня принятъ за перо чужою рукою, если бъ не представился случай пустить это письмо помимо русской почты. Я, батюшка, боленъ, боленъ уже шестую недѣлю; привязался ко мнѣ проклятый гриппъ, мучитъ сухой и нервическій кашель, по поверхности тѣла пробѣгаетъ ознобъ, а голова и лицо въ огнѣ; истощеніе силъ страшное; еле двигаюсь по комнатѣ; 2-й номеръ „Современника“ вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для 3-го; вытерпѣлъ двѣ мушкетеры, а сколько переѣлъ разныхъ аптечныхъ гадостей—страшно сказать, а все толку нѣтъ до сихъ поръ; вотъ уже недѣли двѣ, какъ не ѣмъ ничего мясного, а ко всему другому потерялъ всякій аппетитъ. Къ довершенію всего, выѣзжаю пользоваться воздухомъ въ намордникѣ, который выдумалъ на мое горе какой-то чортъ англичанинъ,—чтобъ ему подавиться кускомъ ростбифу! Это для того, чтобъ на холодѣ дышать теплымъ воздухомъ черезъ машинку, сдѣланную изъ золотой проволоки, а стоитъ эта вещь 25 серебромъ. Человѣкъ богатый я—изволите видѣть—и дышу черезъ золото, и только попрежнему въ карманахъ не нахожу его. Легкія же мои, по увѣренію доктора, да и по собственному моему чувству, въ лучшемъ состояніи, нежели какъ были назадъ тому три года. Насчетъ гриппа Тильманнъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что теперь въ Петербургѣ тяжелое время для всѣхъ слабобродыхъ, и что я еще не изъ самыхъ страждущихъ; но это меня мало утѣшаетъ.

Поговоривши съ вами о моей драгоцѣнной особѣ, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобъ опять возвратиться къ моей драгоцѣнной особѣ. Читая я вашу повѣсть и скажу вамъ о ней мое мнѣніе съ подбабочкою въ такомъ важномъ случаѣ откровенностью. Вы сами вѣрно оцѣнили себя, сказавши, что вы—не поэтъ, а обыкновенный рассказчикъ; я прибавлю къ этому отъ себя, что между обыкновенными рассказчиками вы необыкновенный рассказчикъ. Не то, чтобъ у васъ было мало таланта, чтобъ быть поэтомъ, а родъ вашего таланта не такой, какой нуженъ поэту; для рассказчика же у васъ гораздо больше таланта, чѣмъ сколько нужно; но я отдамъ вамъ отчетъ въ порядкѣ въ моихъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе чтенія вашей повести. Вступленіе мнѣ не понравилось. Толкуете вы на двухъ или болѣе страницахъ, что оба